

«Восстановить полноценную жизнь науки»

— Александр Леонидович, в обширном перечне ваших научных трудов я невольно обратил внимание на работы по составлению тектонической карты СССР. Сегодня распад Советского Союза остро переживается множеством людей — довольны, пожалуй, лишь политики, эту акцию спровоцировавшие и осуществившие. Представляю, какие драматические чувства испытываете вы, ученый, в силу самого рода деятельности ощущавший Союз как единый организм. Ведь кто бы подумал мог, что тектонические разломы, смещения не по геологическим породам пройдут, а по живому телу страны!

— Да, это очень горькая метафора... Знаете, я далек от политики и не хочу определять меру вины и ответственности государственных мужей. Но я убежден, что для упразднения Советского Союза не существовало достаточно объективных предпосылок. Наше государство должно было жить и развиваться, избавляясь от всего, что омрачало отношения между республиками, между народами. Геополитический баланс — это исключительно серьезный фактор его недопустимо разрушать произвольными действиями. Не говорю уже о том, что у нас именуется (именовалось во всяком случае) человеческим фактором: неисчислимы страдания людей, лишившихся в результате распада единого государства гражданских прав, социальной защиты, вовлеченных в кровавые конфликты на национальной и религиозной почве. А какой ущерб от искусственного ограничения, а то и разрыва связей несут культура, наука...

— И Академия наук, конечно? Как вообще сейчас обстоят в ней дела — проблем и трудностей не впропорот?

— Проблемы и трудности — это мягко сказано. Лучше всего тут подходит другое слово — катастрофа. Причем ее, катастрофы, начало совпало именно с распадом Союза. Российская академия наук (РАН), бывшая АН СССР, оказалась практически оторванной от академии бывших союзных республик, а ведь связи были теснейшие, велось немало совместных работ. Интенсивность, динамизм научных исследований резко упали. Ну, а самая непосредственная причина катастрофического положения в мизерном финансировании. В 1992 году оно (в сопоставимых ценах) сокращено, в сравнении с 1990 годом, почти в три раза.

— Так лихо — в три раза?

— Вы не ослышались. Знаете, как любопытно предоставлялись академии деньги в прошедшем году? Утвержденной правительством общей годовой сметы вообще не было, а средства выделялись в конце каждого месяца. Из них и на зарплату надо было выкраивать, и на погашение коммунальных счетов — за свет, газ, отопление, воду. И вот, чтобы не оказались ученые должниками, именно на зарплате приходилось экономить. Иначе сказать, многим институтам пришлось прибегнуть к значительным сокращениям сотрудников, а значит, и к свертыванию соответствующих научных тем.

Взять, к примеру, Институт литосферы, положение в котором известно мне детально. Он не имеет своего академического здания, живет в арендованных помещениях, а аренда — кто же не знает, что это

А. Л. Яншин — известный ученый-геолог, научные прогнозы и практические усилия которого немало способствовали развитию народного хозяйства страны. Наряду с этим значительна роль академика Яншина в формировании экологического сознания, в деле защиты природы (в частности, именно он возглавлял комиссию АН СССР, обосновавшую отмену проекта переброски на юг части стока северных рек). Сегодня А. Л. Яншин размышляет на наших страницах о современной общественной ситуации, о положении науки. Беседу ведет обозреватель «Гласности» Михаил Синельников.

такое, — она способна разорить вчистую! В институте было 358 научных работников, на 1 января их оставалось 197. Дважды в течение минувшего года проводились аттестации — вынужденные, только для того чтобы произвести сокращения. Определенная часть сотрудников ушла в коммерческие структуры — там спрос на них пока есть, опыт работы в академических учреждениях служит хорошей рекомендацией — и, право, это хоть как-то утешает: люди не оказываются на улице, даже выигрывают существенно в материальном отношении.

— Научный институт высокой репутации, плодотворных традиций — и вынужден заботиться прежде всего о том, как оплатить помещение. Что же, на помощь властей вовсе не приходится рассчитывать?

— Недавно состоялось совместное заседание Президиума РАН и правительства Москвы. Разговор шел о том, чем может быть полезна для столицы деятельность наших институтов — и в прямом хозяйственном смысле, и в смысле роста престижа Москвы как культурного и научного центра. Надо бы, в частности, уметь воспользоваться стремлением ряда иностранных ученых работать в учреждениях нашей академии — необходимо только вложить финансовые средства, имея в виду, что затраты окупятся сторицей. В ходе заседания мы постарались показать все это Юрию Михайловичу Лужкову.

— Простите: тут необходимо еще что-то показывать, разъяснять?

— Ну, знаете, в такой ситуации нельзя предаваться гордыне. У московского правительства действительно много забот, так что не грех было и напомнить ему о каких-то существенных вещах, выпадающих из постоянного поля зрения. Мы просили, в частности, о том, чтобы на академические институты были распространены льготы по арендной оплате, существующие, скажем, для спортивных учреждений. Конечно, тут есть элемент фантазмагорического: Академия наук ходатайствует об уравнивании ее в правах с футболом. Но тем не менее существенно, что глава московской администрации достаточно внимательно отнесся к просьбам ученых, обещал помочь — и в вопросе об арендной плате, и в выделении жилья для нуждающихся.

Вот вы удивляетесь: дескать, как же это — разъяснять очевидное... Но можно ли иначе поступать, если наука, как и в целом народное хозяйство, оказалась во власти неуправляемых, хаотических процессов? Я был бы весьма удовлетворен, если бы нашел, кому разъяснить, к примеру, следующее: нелепо, непростительно держать в бездействии принадлежащий РАН мощный океанский исследовательский флот. У нас 103 морских судна, из них 20 крупнотоннажных, — огромное богатство, которое должно работать на страну, на науку. И вот на них был совершен всего 31 рейс, причем только по заказу иностранных научных организаций. Остальные суда весь год простояли на приколе: не было никаких средств, чтобы оплачивать пребывание в иностранных портах, проходя через проливы, Суэцкий или Панамский каналы.

А сухопутные экспедиционные работы, совершенно необходимые геологам, зоологам, ботаникам, экологам, да что там, всей науке? Они свернуты в минувшем году на 95 процентов. Только один пример. Академия вела совместно с тамошними учеными работы в Монголии — большие и весьма важные для нас, поскольку монгольские горные образования выходят к нам на Алтай и в Забайкалье. Работало на постоянной основе пять крупных экспедиций — геологическая, по-

чвенно-биологическая, историко-культурная, геофизическая, палеонтологическая; в общей сложности выезжало до пятидесяти отрядов. И, представьте, все пришлось заморозить, свернуть.

— Может быть, тут есть вина и монгольской стороны — не поддалась ли она каким-нибудь конъюнктурным поветриям?

— Нет, напротив, монголы по-прежнему очень заинтересованы в сотрудничестве. Важно заметить: именно монгольская сторона оплачивала пребывание там наших отрядов, и она вновь подтвердила эти свои обязательства. Мы же, стыдно сказать, не смогли отправить людей в Монголию — не нашлось денег на билеты и на бензин!

— То, о чем вы рассказываете, страшно. Приносится в жертву не только хозяйственная, научная целесообразность, но и национальная гордость, которой и вовсе цены нет, — без нее не подняться... И во имя чего же все это делается? Как вообще могло случиться, что лишь выгода биржевиков, коммерсантов-перекупщиков учитывается в государственной политике, а все остальное пущено на самотек, вне всякой заботы об общественном производстве, о работе на перспективу? Вроде бы искали пути реформирования, а вышли на одну дорожку — в бездну.

— Понимаю ваши чувства. Но не стоит поддаваться эмоциям, надо стремиться практической работой изменять состояние вещей. Вот посмотрите — записка, которую я в качестве советника Президиума РАН направил Виктору Степановичу Черномирдину. Она приурочена к российско-индийской встрече на высшем уровне, и речь в ней идет о настоятельной необходимости восстановления прерванных научных связей между двумя странами, совместных исследований. Причем Индия готова финансово обеспечить перелеты российских ученых в Дели и обратно, а для нас особенно ценно, что индийские институты оснащены новейшими исследовательскими приборами западного производства. Институт океанологии РАН, например, вел в вычислительном центре соответствующего индийского института обработку геофизических материалов не только по Индийскому океану, но и по Баренцеву морю — представляете, сколь широко, перспективно такое сотрудничество?

Очень хорошим знаком явилось посещение Президиума Академии наук нашим новым премьер-министром. Надо сказать, это был первый подобный визит: прочие премьеры — как говорится, всех времен — предпочитали встречаться с учеными на территории Кремля. Сказанные Виктором Степановичем в ходе встречи слова о необходимости поддержать фундаментальную науку прозвучали весьма серьезно и обнадеживающе.

Со своей стороны РАН готова к сотрудничеству с правительством — во имя восстановления полноценной жизни науки. Нам удалось в целом выполнить задачу, которую не раз обоснованно формулировал наш президент, Юрий Сергеевич Осипов: во что бы то ни стало сбереечь основные научные кадры, сохранить многопрофильную систему институтов, не утратить тот фундамент, на котором только и возможно грядущее возрождение.

— В нашем общественном сознании Академия наук всегда являлась высоким культурным символом, неотрывным от традиций всей отечественной культуры, в том числе духовной, художественной. У вас, Александр Леонидович, еще и дополнительные основания ощущать это: вы связаны были родственными узами с Михаилом Михайловичем Ян-

шиным, незабвенным мхатовцем, дружили с ним.

— Приятно, что вы упоминаете об этом. Мы с Михаилом двоюродные братья, и у нас действительно были сердечные отношения. В довоенное время, возвращаясь из экспедиции, я каждый театральный сезон начинал с того, что смотрел «Дни Турбиных» — с Яншиным в роли Лариосика...

— Да, все-таки нельзя, никак нельзя бросать культуру, науку на произвол судьбы. Всегда, во все самые что ни на есть тяжелые времена, это понимали, в том числе и в годы войны. А сейчас... Вон английская «Файнэншл таймс» сообщила на днях (перевод опубликован в «Советской России»): ведущие русские ученые, от экологов до ядерщиков, вынуждены объединиться в особую организацию, которая будет защищать их интересы при «продаже услуг» на западном рынке. Оказывается, американские компании стремятся нанимать «ученых России всего за 25 долларов в месяц» — каково? Причем что особенно любопытно: защитная эта организация предполагает прибегнуть к помощи не отечественных служб, а лондонской фирмы консалтингов по управлению. Поделом, как говорится, — что же делать, если доверие к своим подорвано...

— Красноречивая газетная информация. И, кстати: уверен, не столь уж много следовало бы совершить, чтобы направить преимущественные интересы научных работников внутри страны, а не за рубеж. Существует ложное представление, будто наши ученые, вкусив западного комфорта, все сплошь туда рвутся. Позаботьтесь хотя бы о минимуме материальных условий, необходимых для проведения работ, об элементарном воплощении справедливости — и нынешняя тяга к отъездам, зарубежным контрактам заметно убавится. Право, патриотизмом мы и сегодня не оскудели!

— В материале «Файнэншл таймс» приведены еще и примечательные слова профессора Сергея Капицы — о том, что многие ученые России «деморализованы потерей статуса и преемственности после краха коммунизма и Советского Союза», что «при социализме с нами обращались лучше, чем при капитализме».

— Сергей Петрович прав, я могу полностью присоединиться к его словам. Постоянное внимание к науке на государственном уровне — одно из достоинств социализма. Такое внимание дало замечательные плоды: какое-то время мы были первыми в ядерной физике, в ракетостроении, очень быстро догнали американцев в создании ядерного оружия. Можно немало говорить о наших успехах в различных отраслях науки.

Хотел бы вместе с тем сказать: не стоит забывать и об издержках, негативных сторонах былых времен — о некомпетентном вмешательстве во многие направления научной деятельности, грубом подчинении ее политическим интересам. Это не раз приводило к тяжелым, разрушительным последствиям. Уже с двадцать девятого года начались аресты, гонения на ученых. А потом эпопея Лысенко, гибель крупнейших генетиков — да что говорить...

— Поразительная в своей наглядности коллизия из сталинских времен — судьба братьев Вавиловых: Николай Иванович, гениальный биолог, погиб в тюрьме, физику Сергею Ивановичу, тоже крупному ученому, практически тогда же было высочайше доверено возглавить Академию наук.

— Подобные исторические гримасы надолго оставляют свой незримый след... Нашим современникам надо все знать о прошлом, научиться извлекать из него уроки, чтобы свободно, непредвзято представлять себе пути развития страны, не руководствоваться политической конъюнктурой или экономической модой. У нас свое национальное лицо, свой хозяйственный и социальный потенциал, и я не по-

нимаю, зачем правительству, возглавляемому Гайдаром, понадобилось столь послушно следовать западным рецептам, толкающим Россию в стихию хищничества, характерного для эпохи первоначального накопления капитала. А вот то, что в первых своих заявлениях обнародовал Черномирдин, мне по душе. И прежде всего это касается вопроса о сохранении мощного государственного сектора, само существование которого способно многое обеспечивать в жизни общества. В том числе и функционирование фундаментальной науки.

Конечно, для достижения общей стабильности необходимы еще и другие условия: конституционное укрепление порядка, прекращение далеких от принципиальности взаимных конфронтаций законодательной и исполнительной власти...

— Итак, государство, и только оно, обязано спасти науку от нынешней катастрофы?

— Разумеется. На иностранную помощь рассчитывать нечего. И я очень верю в то, что Российское государство будет стабилизироваться, укрепляться — в том числе и на путях все более плодотворного взаимодействия с бывшими советскими республиками. Да, разлом случился крупнейший. Люди оказались неготовыми к тому, чтобы сразу воспринять его тяжкие последствия. Но прошло время, и все видят: нигде, ни в одном новом государстве, не стали жить лучше, обеспеченнее, безопаснее — только хуже, гораздо хуже. Тут уже и политики, во всяком случае наиболее серьезные из них, начинают бить тревогу. Очень внимательно слежу за высказываниями Нурсултана Назарбаева. Я долго работал в Алма-Ате и Актюбинске. Так вот, Назарбаев совершенно прав, когда говорит: СНГ — пустой звук, если не будет общих для этого союза органов, не будет координации... Объединительные тенденции, по моему, становятся все ощутимее. Прогнозировать тут, конечно, весьма трудно, но мне кажется, что большинство бывших наших республик, кроме, может быть, Прибалтики, в конечном счете придет к какой-то форме совместного существования — федерации, конфедерации. Я бы так обозначил ситуацию: у разных народов, оказавшихся в трудных обстоятельствах, зреет понимание того, что надо искать формы соединения с Россией.

— Емкое, реалистичное определение. Остается надеяться, что и наука, культура смогут помочь этим поискам.

— Наука, культура наших, еще столь недавно братских, республик — явление и вовсе нераздельное, это воистину общее достояние. Вот сейчас мы начали готовиться к выпуску полное собрание трудов Владимира Ивановича Вернадского (я ответственный редактор), семнадцать томов. Величайший русский ученый Вернадский был потомком запорожских казаков, основателем Академии наук Украины. В 1918 г. Вернадский сам характеризовал себя как «человека русского по культуре и по всему укладу жизни, — правда, русского, вся жизнь которого непрерывно была связана с Украиной»...

— Александр Леонидович, семнадцать томов — нынче, при таких сложностях? Это же прекрасно, это обнадеживает! А как средства удалось найти?

— Для первого тома нашлись средства, и для дальнейших найдем! Вернадский же, такая огромная фигура!.. В марте пройдет научное совещание, посвященное 130-летию со дня его рождения. Все, что связано с научной, общегуманитарной деятельностью Вернадского, исключительно интересно.

— Событием стала несколько лет назад публикация дневников Вернадского.

— Не только дневников, но и ряда ранее неопубликованных его произведений. Тут есть о чем поговорить. Давайте-ка продолжим беседу в марте, после совещания: поделюсь с читателями «Гласности» мыслями о Вернадском.

— Спасибо большое, читатели будут ждать.